

**Митрополит
Антоний Сурожский**

**У ПОСТЕЛИ
БОЛЬНОГО**

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

МОСКВА, 2016

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р16-616-0619

ДЛЯ БЕСПЛАТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Антоний, митрополит Сурожский.

У постели больного / Пер. с англ. – М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера», 2016. – 40 с.

Митрополит Сурожский Антоний (Блум; 1914–2003) не только сам прошел через опыт страдания телесного и душевного в годы эмиграции, бездомности, подполья, не только много повидал за долгую жизнь, но и в течение более чем 50 лет служения разделял боль и тяготы тысяч обращающихся к нему за поддержкой людей. В публикуемых беседах владыка говорит, как через воспитание собственного сердца в мужестве и осмысленности помочь кому-то в главном испытании жизни – последней или продолжительной болезни. Брошюра предназначена для медицинских работников, пастырей, педагогов и тех, кому на жизненном пути пришлось оказаться перед лицом испытаний, выпавших на долю близких им людей.

О страдании¹

По слову одного из древних писателей, Бог устроил так, что, когда страдание и радость достаточно велики, они сходятся в таинственной гармонии. Мы встречаемся со страданием каждый день, как и с радостью. И возможно, мне бы следовало сразу объединить эти две темы. Однако моя тема сегодня — страдание, а не «страдание и радость» или просто «радость».

Страдание — слишком большая, слишком обширная тема, чтобы ее можно было рассмотреть целиком в одной короткой беседе. Я бы хотел взять три аспекта страдания и поговорить о каждом из них в отдельности, не пытаясь их связать или нарисовать полную картину. Первый аспект страдания, который я хотел бы затронуть, — это физическая боль и встреча лицом к лицу со смертью. Второй аспект — душевные муки и страх, вызванные в основном человеческими отношениями и ситуациями. И третий аспект страдания, которого я хотел бы коснуться, — это стра-

---

¹ Проповедь в церкви святого Ботольфа, Олдгейт, Великобритания. 25 февраля 1976 / Пер. с англ. А. Михеева; под ред. Е.Л. Майданович.

дание от недостаточности, незавершенности, которое мы ощущаем, хоть на мгновение прозрев полноту, красоту, устремляясь к совершенству и все время терпя неудачу.

Боль, болезнь, смерть... Мы живем в культуре, где боль отвергают, болезнь считают несомненным злом, которое нужно преодолеть, а смерть очень редко встречают вдумчиво, спокойно, как событие жизни, исполненное смысла. К ней скорее относятся как к предельному ужасу, который нужно забыть, не обращать на него внимания, пока он не охватит и не одолеет нас. Однако физическая боль может быть чем-то гораздо бóльшим, чем кратковременное неудобство. На любом поприще движение вперед, успех, победа достаются какой-то ценой. В трудах духовных авторов очень часто приводится образ восхождения на гору. Есть усилия, усталость и боль, есть страх, есть опасность смерти, но есть и ликование, и чувство победы; и на высочайшие вершины, физические или духовные, нельзя взойти, иначе как некой ценой. Писатели древней Церкви говорили: пролей кровь и получишь Дух — не меньшей ценой. Боль, физическую боль можно переносить и встречать с гораздо бóльшим мужеством, более осмысленно, чем мы это часто делаем. Когда мы противимся физической боли, ког-

да пытаемся избежать ее, когда пытаемся подавить ее, как только она появляется, как призрак из тумана жизни, мы только перемещаем свою проблему с тела на душу, потому что люди, которые не смотрят в лицо физической боли, в результате постоянно сталкиваются со страхом этой боли, а встречать страх лицом к лицу гораздо труднее, чем саму боль. Я не говорю, что совсем не нужно облегчать боль или помогать тем, кто страдает от боли; я хочу сказать — и я говорю не о других, а о каждом из нас применительно к самим себе, — что мы должны научиться переносить боль до самого предела нашей стойкости, переносить ее терпеливо, мужественно и обратить ее в упражнение для собственного роста, чтобы через столкновение с малыми трудностями научиться смотреть в лицо бóльшим. Я думаю, это очень важно и для этого нужно кое-чему научиться.

Для многих и очень часто боль делается невыносимой из-за того, что мы не знаем, когда она закончится; из-за чувства, что, однажды начавшись, мучение продлится вечно. Если мы знаем, что боль продлится несколько минут, или несколько часов, или даже несколько дней, мы можем обратиться с духом и посмотреть ей в лицо; но начавшееся может продолжаться вечно, и этого мы и боимся. Кроме того, мы постоянно умудряемся

не только испытывать саму боль, но и заново переживать свои прошлые страдания. Помню одного ребенка, которого я видел много лет назад, когда был студентом-медиком. Он умирал и страдал от жестокой боли, и один из врачей спросил, как ему удастся сохранять такое спокойствие и мир и встречать боль с таким мужеством, и этот девятилетний мальчик ответил: «За годы болезни я научился не страдать от вчерашней боли и не ожидать завтрашней». Он усвоил, что можно жить настоящей минутой, как бы трудна она ни была, не собирая в нее все страхи будущего и все муки прошлого, и это дало ему, девятилетнему, силу посмотреть в лицо тому, что не смогли бы встретить таким образом многие взрослые, лишённые такого непосредственного отношения к жизни.

Болезнь, когда это не сиюминутная боль, а длительное состояние, поднимает и другие вопросы: страх, тоску, различные трудности, физическую боль. Того, что я сказал о физической боли, пока достаточно; но к болезни можно относиться и творчески, не как к поражению, но как к моменту, с которого жизнь может начаться по-новому. Я помню человека, которым я очень восхищался, человека глубокой духовной жизни, который заболел раком. Он еще не знал природы своего заболевания; знал только, что жизнь

остановилась, и теперь он лежит беспомощно в постели, и никто не может сказать, как долго это продлится. Он очень переживал о недоделанных делах, беспокоился о людях; и в своей постели он все еще жил так, будто был погружен в суматоху жизни. Я навестил его в первый день его пребывания в больнице и напомнил ему, что уже не один год он говорил мне о своей мечте — чтобы жизнь остановилась, чтобы он мог выйти за пределы времени, перебрать все свое прошлое, рассмотреть и глубоко осознать все, чем он был и что происходило с ним, чтобы сделать следующий шаг с новой зрелостью. Я заметил ему, что, несмотря на такие разговоры, он никогда не давал себе возможности остановить поток жизни, и вот теперь такая возможность пришла, Бог вмешался и сказал: «Пусть остановится время, ты теперь вне времени, ты можешь ничего не делать, другие будут заботиться о тебе; все, что ты можешь, — это быть собой». И я предложил ему начать вспоминать прошлое, критически оценивать его, выносить суждения, наводить во всем порядок, дать возможность тому, что было в его прошлом неправильного, уйти в небытие, а правильному — вырасти и созреть. Он провел несколько месяцев, обдумывая свою прошедшую жизнь, приводя в порядок все свои отношения, пыта-

ясь преодолеть все обиды, всякую горечь, всякий страх, постепенно освобождаясь от своего прошлого, становясь хозяином созидательного и наполненного смыслом опыта, а не будучи пленником боли, которая ранила и разрушала его. И я помню, что позже, когда его тело начало становиться все слабее, он сказал мне: «Как удивительно: мое тело умирает, но я никогда не был так глубоко и так реально жив, как сейчас». Он достиг того момента, когда его способность воспринимать жизнь зависела уже не от состояния тела, но от жизни его глубинного «я». Он чувствовал себя живым не потому, что был физически здоров, но благодаря чему-то более глубокому и несомненному; и когда это что-то стало приближаться, он встретил его без страха, потому что теперь знал: его тело может рассыпаться в прах, но в себе он обнаружил нечто, способное жить самостоятельно, независимо от состояния тела.

И это приводит меня к вопросу о встрече со смертью вообще; я скажу всего несколько слов только по поводу страха и боли, и страданий, которые она может вызвать. Как ни странно, не смотря на то что все мы точно знаем, что смерть придет, никто нас не учит тому, как ее встречать; смерть «отодвигается», смерть исключается из нашего сознания. Не только сами мы по ма-

лодушию пытаемся не думать о ней, но и никто из окружающих не помогает нам, или нам пытаются помочь, когда смерть уже маячит поблизости со всем своим ужасом, всей своей таинственностью и когда, возможно, уже слишком поздно думать о ней глубоко, спокойно, чтобы встретить ее осмысленно. Я думаю, что наше отношение к смерти основано на некоторых отрицательных моментах: страх, недостаток веры, отсутствие опыта соприкосновения с вечностью, того основного опыта, который обнаружил в себе этот человек по мере освобождения от зла, от всего, что убивает, от обид, от ненависти, от всего, что его связывало. Но есть также и положительное основание, о котором мы никогда не думаем, по крайней мере, я не встречал никого, кто так мыслит. Можно подготовить людей к тому, что знаешь сам; учитель может научить чему-то, потому что сам знает это. Можно вести людей по пути, которым ты прошел, можно говорить о том, что есть в нашем собственном опыте, но никто из нас не может говорить так о смерти. Можно говорить о постепенном умирании тела, которое больной или стареющий человек может ощутить, исследовать и познать очень глубоко. Это переживание может быть полным воодушевления, а может быть пугающим; но никто не способен говорить о подлин-

ном опыте прохождения через врата смерти в неведомое, в таинственное, в ту область, которую мы знаем только верой, только обетованием Божиим, только данным Им откровением.

Но неужели мы не можем ничего сделать, чтобы подготовить себя и других к смерти — собственной и чужой? Я думаю, что можем, но мы должны сместить центр тяжести на что-то иное. Мы не в состоянии подготовить себя и других к смерти, но мы можем подготовиться к тому, чтобы жить вечно. Мы знаем жизнь, знаем слабость, непрочность нашей временной жизни, ее возрастание, мир и надежду. Мы знаем, что такое быть живым, нам знакомо вдохновение, которое приходит по мере возрастания жизни, мы знаем, чем становится жизнь, когда жизнь соединяется с любовью, — об этом мы можем говорить. Если бы мы истинно верили, что Бог есть жизнь, если бы мы истинно верили, что вечная жизнь есть любовь, тогда мы могли бы помочь человеку возрастать к ней, а не к закрытым вратам смерти, которые однажды откроются перед ним, а перед нами захлопнутся, не дав нам времени или возможности заглянуть в тайну. Мы могли бы говорить о той вечной жизни, которую знаем уже сейчас, в любое мгновение, если мы в Боге, пусть даже мы лишь прикоснулись к краю Его ризы.

Когда древние писатели говорили о смерти, одним из любимых их высказываний было «Помни о смерти». Когда мы говорим такие слова современным людям, мы словно бросаем тень на краски жизни, и нам отвечают: почему страх смерти должен отравлять любую радость? Разве цель христианской жизни — добавить дегтя в каждую бочку меда? Нет, древние писатели имели в виду нечто иное. Они хотели сказать, что врата смерти открываются перед каждым из нас в определенный момент жизни, и в этот момент мы входим в измерение жизни столь великое, столь глубокое, столь значительное, настолько исполненное смысла, что если мы не будем помнить об этом изо дня в день, мы проведем нашу земную жизнь гораздо ниже уровня вечности и величия, которое лишь смерть может открыть нам, поставив нас лицом к лицу со всей своей глубиной, всей своей трагедией и своей тайной.

Я думаю, в этом памятовании о смерти нам может открыться еще нечто очень важное: предельное значение каждого настоящего момента. Если бы мы думали, что человека, с которым я сейчас нахожусь, с которым разговариваю, на которого смотрю, через минуту может не стать, а я останусь с осознанием того, что сказанное при его жизни слово, совершенный мною поступок были

неправильны, что я не сделал всего, что мог, что я разрушил то, чего никак не должен был разрушать, тогда мы относились бы к каждому встречному человеку, к каждому мгновению жизни внимательно, вдумчиво, с глубиной, что сделало бы и нас, и нашу жизнь подлинно глубокой.

Речь не о том, чтобы думать: через мгновение я могу умереть и предстать перед судом. Можно посмотреть и с этой стороны, но нужно помнить, что суд этот — не подведение окончательного итога судьей, а мгновение, когда я встану перед лицом Живого Бога и обнаружу, что весь смысл и в вечности, и на земле — в любви, готовой истощить себя, забыть себя, отдать себя до конца, но что у меня ничего этого нет, я пуст и бесплоден. Если бы мы поняли, что перед нами наш ближний, которому мы сейчас, в эту минуту можем сделать или не сделать добро, что нет для этого другого времени, кроме настоящего мгновения, что он перед нами, а через минуту его может не быть (это касается не только физической смерти; это означает, что по какой-то причине, из-за каких-то обстоятельств человек оказывается в сфере нашего внимания, а потом может уйти и никогда не вернуться снова, а слова, которые можно было сказать, не были сказаны, и то, что можно было сделать, не было сделано), — как бы мы тогда от-

носились к самым простым, самым незаметным повседневным поступкам? Разве мы не стремились бы превратить каждый из них в совершенное проявление, в откровение, в торжество чуткости, любви, благоговения, заботы друг о друге?

Мы не поступаем так, воображая, что еще успеется, а это не так, потому что настоящая минута безвозвратно уходит в прошлое, а следующая может никогда не наступить. У нас нет ничего, кроме доли секунды, одного мгновения, настоящего момента — ничего больше, и в этот миг два человека встретились, и в этот миг каждое слово может быть теплым и глубоким. Приготовить чашку чая кому-то, кто болен и может умереть, приобретает предельную значительность. Важным становится не только то, что мы называем великим; все действия становятся великими в ту минуту, когда являются полным и совершенным выражением непреходящего, предельного отношения друг к другу, и это также неотъемлемая часть нашего подхода к смерти.

Я уже достаточно говорил о душевных мучениях, тоске, страхе; но есть еще нечто, о чем я хотел бы упомянуть. Очень часто мы мучимся душой, терзаемся из-за того, как люди, которых мы любим, которые для нас что-то значат, а может быть, и те, что вошли глубоко в нашу жизнь,

но без взаимности, предают нас или причиняют нам боль. И чаще всего мы пытаемся справиться с причиненной нам болью от предательства, от отвержения, от вынужденного одиночества тем, что уходим от боли и превращаем ее в негодование и гнев, потому что негодование и гнев — это активная позиция. Действуя так, мы чувствуем, что находимся в центре и сами что-то делаем, а не просто испытываем внешнее влияние, находясь где-то на краю. Но, поступая так, мы теряем единственную возможность использовать боль созидательно и для себя, и для других. Для себя — ясно, что мы теряем всякую возможность, потому что наполняемся горечью и негодованием, замыкаемся, отчуждаемся, и это состояние отделенности может распространиться даже на Бога.

Я помню, как одна женщина сказала мне: «Моя беда в том, что во всем, что со мной случилось, виноват Бог; кому же я теперь могу пожаловаться?» Если бы только это можно было объяснить человеческими действиями! Человека можно ненавидеть, можно отвергать — а Бога? Это дурное превращение чистой боли, терзающей, распинаящей боли в злобу, в обиду, и горечь разрушает до глубины, требуется огромное душевное мужество, чтобы сказать: я буду терпеть боль во всей ее остроте, в ее чистоте. Я по-

зволю боли разорвать меня, врезаться в меня до самой моей глубины, но не позволю ненависти и ее союзникам-бесам осквернить эту боль.

Если же говорить о других, такое перевоплощение чистой боли в боль оскверненную, измельчавшую ведет к чему-то злему и прискорбному. Один из великих современных богословов Римской церкви, кардинал Жан Даниелу, говорит в одной из своих книг, что боль, страдания — единственная точка встречи добра и зла. Это та точка, в которой зло врезается в нас, физически, душевно, духовно; это точка, в которой добро и зло встречаются, потому что зло нападает на нас, нападет и стремится погубить. И затем Даниелу говорит, что именно в этот момент добро одерживает окончательную победу, потому что добро — единственная жертва зла, которая имеет власть прощать. Христос мог простить Своих распинателей, Своих мучителей, Своих неправедных судей и тех, кто предал Его в их руки, потому что Он был жертвой. В каком-то смысле каждый может простить только за себя или совместно с жертвой, или, иногда, от лица жертвы, если та еще не доросла до того, чтобы произнести слова прощения. Причиненное страдание, если оно перенесено без того, чтобы превратиться в ненависть, горечь, негодование или страх,

страдание, перенесенное и принятое, дает нам истинно Божественную власть прощать от нашего имени и от имени Бога, уничтожая этим зло. И в этом смысле тот, кто терпит страдания, кто не дает себе разрушиться под натиском зла, совершает нечто не только для себя, но и для тех, кто причиняет ему зло или желает зла.

Наконец, последнее — и я прошу прощения за то, что моя беседа оказалась длинной, но тема кажется мне столь многогранной, столь сложной. Есть страдание в тоске, в тоске по любви, любви человеческой или любви к Богу. Есть страдание от незавершенности, неисполненности; тоска эта подобна голоду, но Христос сказал: «Блаженны алчущие и жаждущие, ибо они насытятся» (Мф. 5:6). Если вы помните, я сказал вчера, что конец уже пришел две тысячи лет назад с воплощением Сына Божия и даром Святого Духа, хотя конец еще впереди как осуществление, как исполнение, которое достигнет каждого из нас. Все это не только предложено, не только действенно, динамично движет миром уже сейчас, — если вы помните это, вы поймете, что в нашем голоде и нашей тоске есть своего рода двойственность. Паскаль сказал, что Бог шепнул ему в сердце такие слова: «Ты не мог бы искать Меня, если бы уже не нашел Меня». Нельзя тосковать по тому,

чего не знаешь, нельзя искать то, о чем не имеешь представления, нельзя отчаянно желать отношений, которых еще нет. А святой Исаак Сирий говорит, что все это похоже на состояние беременной: женщина так хочет, чтобы ребенок родился, и это целый процесс, эмоциональный, физический, умственный, который захватывает ее целиком, потому что ребенок уже зачат. Ничто из этого не было бы по-настоящему возможно, не будь уже в ее чреве плода, того ребенка, которому надлежит родиться. И потому, когда эта тоска в нас, когда нас мучит чувство одиночества, которое можно преодолеть лишь исполнением, когда мы всё ждем, чтобы вещи пришли к своему осуществлению, мы должны понять, что все уже свершилось, что это уже здесь и что это не просто обещано в будущем, но само обещание уже есть дар. Наверное, именно в этом смысле Апостол говорит, что надежда уже есть обладание тем, чему только надлежит явиться, потому что надежда — это не «журавль в небе», надежда — то состояние, когда мы уже увидели проблеск, ощутили дуновение грядущего, на мгновение приоткрыли его, и это подвигает нас и дает уверенность двигаться дальше.

С точки зрения христианства, наверное, нужно помнить еще вот что: Христос говорит (или

Писания говорят), что Он есть Омега (Откр. 1:8), цель нашего движения, Он есть конец, Он есть исполнение, но Он также говорит, что Он есть путь (Ин. 14:6) и Он есть дверь (Ин. 10:9). И таинственным образом опыт, который был у всех святых и который могут в любую минуту получить грешники, состоит в том, что, пока они движутся к Богу, они на пути, который одновременно есть и цель, и врата, которые ведут нас в полноту. Вспомним в качестве иллюстрации шедших в Эммаус (Лк. 24:13–35). Они шли в отчаянном одиночестве, ученики, потерявшие и Учителя, и надежду; и Христос шел с ними рядом, говоря с ними, открывая им смысл Писаний, шел с ними туда, куда шли они, потому что Он знал, что встретит их в конце пути и пребудет с ними.

Если бы вместо того чтобы представлять себе жизнь как движение к какой-то точке в будущем, мы поняли, что время заключено в вечности, что в Боге времени нет и поэтому Он современен каждому мгновению и каждому веку, что мы уже сейчас находимся в Его присутствии и что мера осознания нами этого зависит не от того, здесь Бог или Его нет, а от того, насколько мы сами прозрачны для Его присутствия, насколько восприимчивы к Нему, — тогда мы могли бы в каждую минуту ощущать и полноту, и голод, потому

что природа всяких отношений в том, чтобы расти вечно, расти в бесконечность, но в каждую минуту быть полными в себе, и полными не только в радости, но и в напряжении, в боли, в становлении, в трудном продвижении через все сложности личной и общечеловеческой жизни к великому и последнему покою, где Бог будет всяческая во всем (1 Кор. 15:28), и Божия победа будет в каждом из нас и во всех нас, и Царство Божие осуществится.

Слова, с которыми я хотел бы вас сейчас оставить, принадлежат одному из потомков Вильгельма Завоевателя, много веков назад правившего Британией, одному из принцев Оранских из Голландии. Девизом его было: «Предпринимая что-либо, я не нуждаюсь в надеждах; упорствуя в своих действиях, не нуждаюсь в успехах». И все же у нас есть надежда, потому что есть обетование, у нас есть уверенность, потому что обетование Божие не обманет нас. И если этот человек мог в государственных делах выстоять благодаря своему отважному, мужественному, смелому, непобедимому духу, сможем выстоять и мы.

У постели больного²

Вы меня так тепло встретили, но мне придется для начала попросить прощения в первую очередь за то, что я вообще здесь оказался. Я был врачом в течение десяти лет, но учился тридцать пять лет назад и безнадежно отстал от жизни. Кроме того, после речей на кристально чистом и прекрасном английском языке вам придется выносить рассуждения человека, который говорит по-английски как иностранец, и для многих это, скорее всего, окажется тяжелым испытанием. И наконец, хотя, вероятно, это главное: я не чувствую себя вправе произносить эту речь в память доктора Киссена, поскольку не был знаком с ним лично и все мое знание о нем почерпнуто из того, что я читал, и от впечатлений, которые я вынес из некоторых его писаний. Так что я даже не могу достойно почтить его личность или его медицинские или научные труды и всего лишь собираюсь говорить на тему, которая, думаю, име-

---

² Лекция памяти Дэвида Киссена в Британском Совете по вопросам онкологии. 26 марта 1969 г., Великобритания / Пер. с англ. Е.Л. Майданович.

ла бы значение для него, и говорить на эту тему таким образом, который бы не вызвал его возражений.

Когда мы говорим о заботе, об уходе за человеком, мы должны постоянно помнить — и вероятно, вы это сознаете лучше, чем я, — что каждый человек всегда является частью системы, и, следовательно, невозможно говорить о нем, будто он «сущность в себе». Всякий раз, как мы так поступаем, когда думаем о людях в отдельности, в изоляции, по контрасту, в противоположении, будь то к группе, которой они принадлежат, или к любому другому индивиду, мы придаем этому слову самый возможно худший смысл.

Одна из проблем, с которыми мы сталкиваемся в медицинской практике, состоит в том, чтобы никогда не позволить человеку попасть в категорию индивида — последнего предела деления, дробления и отделенности, предела, за которым невозможно больше делить на элементы того, с кем мы имеем дело, иначе как окончательно разрушив его. Я хотел бы рассмотреть этот вопрос заботы о человеке с разных точек зрения.

Мне кажется, очень важно нам помнить, что подготовку людей к критической ситуации следует начинать, когда кризиса еще нет. Нельзя готовиться к значительным событиям жизни, требую-

щим подвига, просто ожидая и надеясь, что, если возникнет драматическая ситуация, человек найдет в себе самом или в своем окружении достаточно мужества, поддержки, способности и силы справиться с этой ситуацией. Так что я думаю, что очень важно начинать заботиться об умирающем, когда человек еще достаточно здоров, еще не охвачен болезнью, когда он полностью владеет всей своей силой, всей ясностью ума, всеми своими способностями. Это означает, что люди смогут встречать испытание, болезнь, смерть мужественно и в полноте своих сил, если в течение всей жизни они научились жить полно и насыщенно, вместо того чтобы жить с гнетущей мыслью о болезни или уничтожении. В этом смысле наше отношение к жизни, значение, которое мы придаем своему существованию и в конечном итоге исчезновению, существенно важно. Если для нас важнее всего просто выживание, биологическое существование, извлечение из жизни всех удовольствий или возможностей, какие она может дать нам, — перед нами огромная область огорчений и тревог: боязнь потерь в любой области, боязнь потери физической цельности, потери близких, дорогих нам людей, потери умственной силы, потери всего, в чем для нас заключен смысл жизни.

Одной из главных вещей, которой люди моего поколения, выросшие в условиях русской революции, эмиграции и последующих лет, научились от старшего поколения, было убеждение, что наше биологическое, физическое существование не имеет никакого значения ни для кого, включая нас самих, и что оно приобретает значение от того, ради чего мы живем и ради чего готовы умереть. Если мы не живем в такой уровень, мы всю жизнь будем стремиться сохранить нашу физическую цельность, нашу душевную безопасность. Мы так и не начнем жить, оказавшись робкими, бесполезными паразитами в жизни. Это, я думаю, имеет первостепенное значение и для того чтобы жить нормальной, обычной, здоровой жизнью, и для поведения людей, которым предстоит встретиться с болезнью.

Отдельно скажу о страдании. Мы живем сейчас, по-моему, в трусливой и мягкотелой цивилизации. Люди боятся страдания и не готовы встретить его, посмотреть ему в лицо. В результате люди не только все больше прибегают к транквилизаторам и другим лекарственным средствам, но, кроме того, страх страдания превосходит само страдание, потому что жить в страхе страдания гораздо тягостнее, чем действительно встретить терпимое страдание. Разумеется, я не гово-

рю о тех степенях страдания, которые выше человеческой выносливости. Но надо помнить и то, что человеческая выносливость гораздо больше, чем нам обычно представляется. Из опыта концентрационных лагерей, тюрем и госпиталей мы знаем, что люди оказываются в состоянии вынести гораздо больше, чем сами ожидали, когда они вырастают в полную меру своего человеческого достоинства, в полную меру своего человечества. Так что я настоятельно призывал бы воспитывать людей в ценностях жизни, которые достойны Человека, достойны Общества и достойны самой Жизни. И затем воспитывать способность встречать страдание мужественно, храбро, относясь к страданию как к школе, как к возможности вырасти во весь рост того, что составляет подлинную меру Человека. Иначе мы никогда не найдем покоя, потому что страх страдания всегда будет больше, чем непрочная безопасность текущего момента. Страдание, болезнь, любой кризис могут случиться неожиданно в любой момент, и, если у нас нет защиты от них, они нас раздавят.

Вторая сторона вопроса заботы о человеке, на которой я хотел бы остановиться, — это посещение больных. Посещение больного может быть благим делом; оно же может оказаться сущим наказанием для больного. Я знаю, что Еван-

гелие учит нас, что посещать больных добродетельно. Но я также знаю, что применять евангельские советы и заповеди следует с рассуждением и любовью и что очень часто любовь, которую мы выразили, посетив больного, могла быть выражена гораздо лучше, если бы мы дали ему возможность побыть в покое. Мне случалось болеть, и, чтобы не оказаться жертвой любвеобильных посещений друзей, я вешал на свою дверь записку, которая некоторых очень обижала. Там говорилось: «Вот цитата из жизни святого Арсения Великого. Знатная женщина из Константинополя отправилась посетить его в пустыне и сказала: „Ах, отче, дай мне заповедь, которую я могла бы исполнять всю свою жизнь!“ И Арсений ответил: „Вот тебе заповедь, и помни, что ты сама обещалась не нарушать ее. Всякий раз как услышишь, что Арсений в одном месте, отправляйся в другое“»³.

Кроме того, что любовь должна удерживать нас от посещения людей, которые прекрасно обошлись бы без этих тягостных, утомительных, морально изматывающих визитов, есть целая наука или искусство посещения больных не толь-

---

³ Ср.: Древний Патерик, изложенный по главам. М, 1899. Изд. 3-е (репринт: М., 1991), С. 21, 22.

ко когда вы священник, но если вы просто друг или родственник. Мне кажется, посетитель часто мог бы значительно содействовать процессу выздоровления, помогая больному быть серьезным, собранным, полностью обладать жизнью с той мерой напряжения, на какую он способен, помогая не быть рассеянным, опустошенным. Вы прекрасно знаете, какими опустошающими могут быть разговоры, сколько сил уходит на некоторых посетителей. Я убежден, что священников, молодых и старых, так же как и врачей, медсестер и родственников следует учить вот чему: встречу с человеком или визит к больному может свести на нет пустая болтовня, потому что пациент часто пользуется ею как дымовой завесой, чтобы укрыться от необходимости быть серьезным, выразить тревогу, быть подлинным и реальным. Чем больше вы прибегаете к легкой болтовне, чем больше допускаете это, тем менее реальным становится пациент, тем меньше у него власти над жизнью, над болезнью, над собственным выздоровлением. Одна из вещей, которым очень трудно научиться, но самая, может быть, полезная, — это способность посетителя сесть и спокойно сидеть. Это подразумевает две вещи: с одной стороны, ваш родственник, ваш друг или тот, о ком вы заботитесь, должен сознавать, что

вы пришли на длительное время, вы никуда не торопитесь, вы совершенно тут присутствуете. Вы прекрасно знаете, как отличается посещение, когда посетитель присаживается и выражение его лица ясно показывает, что у него десять минут времени и он ждет, когда они истекнут, чтобы сказать: «Ну, мне пора!» Очень часто оказывается, что мы глядим вокруг, оглядываем его соседей, и тот, к кому мы будто бы пришли, понимает, что на самом деле мы вовсе не с ним. Да, физически мы тут, но умом мы где-то бродим, думаем еще о предыдущем пациенте или уже о следующем, или о чем-то, что мы должны или собирались сделать... Если вы кого-то посещаете, пусть ему будет совершенно ясно, что все то время, какое у вас есть — пусть это пять минут, — принадлежит совершенно, безраздельно ему, что в течение этих пяти или скольких-то там минут ваши мысли не заняты ничем другим на свете, нет в мире человека важнее, чем тот, с которым вы находитесь.

И кроме того, научитесь *молчать*. Упраздните болтовню глубоким, собранным, человеческим, подлинным молчанием. Научиться молчать непросто. Сядьте удобно, возьмите пациента или вашего друга за руку и скажите: «Как я рад быть с тобой!» И погрузитесь в молчание, будьте с ним,

не выстраивайте между ним и собой целый мир неуместных слов или пустых эмоций. Подарите ему радость вашего присутствия, пусть он знает, что для вас быть с ним — радость. И тогда вы обнаружите то, что я часто встречал за последние тридцать или сорок лет: что в какой-то момент человек способен говорить, но говорить серьезно, с глубиной, говорить то небольшое, что достойно быть сказанным. И вы обнаружите нечто еще более поразительное: что вы и сами способны на это.

Еще одно, последнее, но это займет немножко больше времени: это вопрос подготовки к смерти неизлечимо больных или людей, которые приближаются к смерти от старости.

Во-первых, позвольте обратить ваше внимание на то, что подготовка к смерти относится не только к тем, за кем мы ухаживаем в госпиталях или на дому. Она относится к каждому из нас, потому что каждый из нас и все мы поражены общим неизлечимым недугом — смертностью, и чем скорее мы взглянем в лицо этому факту, чем раньше осознаем, что мы все в процессе умирания с того момента, как начинаем жить, тем лучше. Есть большое преимущество в том, чтобы уметь видеть трагедию заранее, быть готовым к тому, что придет. Я не хочу сказать, что можно

прорепетировать собственную смерть, но совершенно очевидно, что можно продумать многое из того, с чем придется встретиться, а если оно приходит неожиданно-негаданно, то расстраивает нас гораздо больше. Так что, я думаю, надо учиться встречать смерть.

Обучение это, мне кажется, должно быть двойное. Во-первых, если вы верующий, вы должны учиться готовиться не к смерти, а к полноте жизни. А если вы действительно неверующий, если действительно думаете, что после смерти ничего нет, тогда вы должны радостно и спокойно готовиться к тому, что наступит момент, когда развяжутся все узелки и вы станете частью этой полной покоя и гармонии богатой Природы.

Вероятно, я не стал бы говорить так с русскими, но англичанам (вернее, британцам — среди нас есть и шотландцы) я скажу: когда я приехал в эту страну двадцать лет назад, я был глубоко и, должен сказать, неблагоприятно поражен отношением людей к смерти. Умереть было почти что неприлично, недостойно благовоспитанного человека. К смерти относились как к чему-то, чего не сделаешь друзьям и родственникам, если действительно внимателен к ним. Но уж если до этого дошло, если уж вы допустили такой непристойный поступок, то с ним надо справиться как

можно быстрее и эффективнее, притом профессионально. Детей уводят, семья сидит в гостиной за чаем, приходят служащие похоронного бюро, делают свое дело, тело удаляют, и друзья, родственники и, может быть (в очень смелых семьях), дети увидят позже только гроб, внутри которого невыразимый ужас. С точки зрения воспитательной я нахожу это разрушительным и из того, что я видел, считаю, что так оно и есть. <...>

Это не просто предположение, я это знаю, потому что в Православной церкви заупокойная служба совершается у открытого гроба и все, кто пришел в храм, на прощание целуют усопшего. Так что наши дети с самого раннего возраста приходят, видят тело, дают ему последний поцелуй и узнают, что в смерти нет ни уничтожения, ни невыразимого ужаса. Я думаю, что если бы взрослые могли воздержаться от того, чтобы вносить в ум и в сердце детей собственные нездоровые представления и эмоции, дети были бы гораздо более здоровы. Я знаю детей, воспитанных таким образом, — они относятся к смерти с уважением и чувством благоговейной радости. Я не хочу сказать: с чувством удовольствия или веселья, но с таинственным чувством подъема, какое бывает, когда мы встречаемся с чем-то величественным, пусть и трагичным.

Другой момент этого воспитания: пока мы не приобрели нездорового отношения к смерти, мы способны думать о ней из полноты жизни как о событии нашей жизни, которое можно встретить, пережить и прожить до конца. Вспомните, как дети играют в войну: они стреляют, падают, кричат: «Теперь твоя очередь быть убитым! Нет, лежи, ты убит, не шевелись!» Они учатся, они узнают, до какого напряжения могут довести воображаемую трагедию, которая для них столь же реальна, как будто пережитая фактически, только в ней нет реальных опасностей.

И наконец, проблема умирающего и тех, кто его окружает. Я повторю некоторые вещи, о которых уже говорилось на сегодняшней встрече. Во-первых, я совершенно согласен с тем, что большинство людей знает, что смерть ожидает каждого, и из-за того, что мы боимся говорить об этом, в результате создается ужасающее одиночество и горестное состояние.

Позвольте, я поведу себя совершенно не по-английски и скажу нечто личное. Моя мать умерла от рака. Она умирала в течение трех лет, и эти годы мы прожили вместе, она умерла дома; и я могу изложить некоторые выводы, то, чему я тогда научился. Когда обнаружилось, что у нее рак, врач сказал: «Конечно, вы ничего ей об этом не

говорите». «Нет, — ответил я, — конечно, я ей сразу скажу». Он сказал: «Тогда вы и отвечайте», и я сказал: «Да, я беру ответственность на себя». Я пошел к ней и все сказал. Из этого я научился вот чему: в тот момент, когда барьер молчания сломлен, можно сообща, вместе встретить тоску, страх и смертную тревогу. Очень часто за эти три года я приходил к матери и говорил: «Мне больно, что ты умираешь», и она прикасалась своей рукой и укрепляла меня. В другое время ей случалось сказать: «Мне страшно, и мне так горестно расставаться с тобой». Тогда я поддерживал ее, как мог. В результате ни она, ни я ни в какой момент не были замкнуты, закрыты друг от друга, не должны были в одиночку справляться с тем, с чем справиться в одиночку невозможно.

Еще и другому я научился, сравнивая и размышляя, что нет такого человека, который просто в силу своей функции должен сказать другому о грядущей смерти. Вот что я имею в виду: ни священник, ни хирург, ни семейный врач, ни медсестра, ни муж не должен сказать об этом просто в силу своего положения как такового. Сказать пациенту должен тот человек, который в состоянии это сделать, готов сказать и остаться с ним и нести эту тяготу с ним вместе. Обычно невероятно трудно сказать это пациенту, потому что ты

как будто наносишь удар и сбегаешь. Кто-то приходит, собирается с силами, сообщает пациенту, тот потрясен, поражен и тут же слышит: «Сейчас я принесу вам хорошую чашечку чая». И с этими словами тот, кто нанес удар, уходит, отсутствует минут пять или десять, именно те пять или десять минут, которые для больного суший ад и глубочайшая точка кризиса. Затем появляется чай, начинается легкая беседа, и момент упущен. Если вы готовы сказать, вы должны быть готовы сразу же нести весь груз и не стараться уйти от него, не стараться уменьшить его, не искать дешевого облегчения. Нет. Оставайтесь подлинными, оставайтесь правдивыми, абсолютно реальными, абсолютно верными до предела страдания и горя. Разделите всё это. Разделенное страдание даст больше силы, чем любая искусственная помощь. Это я видел во время болезни моей матери. Несколько раз она мне говорила: «Я умираю, но мы никогда не были так счастливы». Между нами была правда, была реальность, мы полностью делили всё. Я не пытаюсь сказать вам, что это было легко, но это был творческий подход, в этом была глубина, и таким образом мы могли встретить всё.

Тут я хотел бы заметить, что мы недооцениваем величие человеческого духа. Мы не ожида-

ем, что люди, с которыми мы имеем дело, проявят мужество, человечность в полном смысле. Нам часто кажется, что они слишком слабы и не способны встретить испытания. Это неверно. В людях гораздо больше величия и силы, чем нам представляется, и когда неожиданная трагедия поражает людей, мы очень часто видим, что они вырастают в такую меру величия, какой мы и не предполагали в них. Мы должны помнить, что люди способны на величие, на мужество, но не в отрыве от других, не в одиночку, не в тех условиях, которые создаются, когда человек то переносит страдание, то погружен в одиночество. Они нуждаются в крепких связях человеческой общности, где каждый готов нести тяготу других. И тот, кто болен, несет, вероятно, тяготу других в большей мере, чем нам представляется, и дает *им* мужество и глубину.

Я не хочу сказать, что можно подходить одинаково к каждому пациенту. Тут нужна вдумчивая рассудительность. И вот что мне кажется важным: неправильно говорить о подготовке к смерти. В контексте веры подготовка должна быть к жизни. Вот что я имею в виду. Когда я встречаю человека, который идет к смерти или, возможно, не может выздороветь, я не начинаю разговор со слов: «Смерть за плечами, будь храбрым,

мужественным, готовым встретить ее». Задолго до того, как смерть поселилась в них, задолго до того, как они ощутят ее разлагающее, разрушительное действие, я говорю пациентам: «Видите ли, каждая болезнь — это момент, когда прекращается для нас суэта жизни; момент, когда мы можем взглядеться в жизнь и разобраться, что в ней временное и недостойное жизни и нас самих; и что в ней есть глубокое, значительное и должно остаться навсегда. Вот займитесь этим». И потом в течение долгого времени мы этим занимаемся, так что постепенно все в человеческой жизни, что ведет к смерти и разрушению как физическому, так и духовному — ненависть и все отрицательные чувства, — постепенно исключается через встречи с теми, кого мы обидели, через прощение тех, кого мы ненавидели и т.д. Так что в конце концов больной постепенно приводится к состоянию, когда осталась в нем только любовь, сочувствие, участливость и полнота жизни. Разумеется, есть и остатки слабости, несовершенства, но перевешивает все жизнь. Я видел, как это совершалось, во время работы в госпиталях, на войне и за все прошедшие с тех пор годы. Мы должны готовить людей к тому, чтобы они осознали, что смерть не означает просто потерю жизни, совлечение земной жизни, но облечение в вечность.

Конечно, не с каждым можно так разговаривать, но, несомненно, можно сделать гораздо больше, чем мы делаем.

Думаю, на этом я остановлюсь. Уход за больным — комплексная забота, которая охватывает всех, кто составляет общественную группу, небольшую семейную группу и более широкие круги, охватывающие гораздо больше. Хотелось бы, чтобы каждый отдельный член этой группы получил такое воспитание в жизни, воспитание в мужестве и осмысленности. Только если мы составляем группу людей, стоящих за некие ценности, а не просто за существование; только если мы научим всех, и молодых, и пожилых, что жизнь и ее ценность измеряются тем, ради чего мы живем и готовы умирать, а не давлением крови или общим состоянием здоровья; только если в ежедневных буднях люди готовы встречать большие и мелкие затруднения и проблемы смело, с мужеством и творчески, можно думать о том, как помочь и в главном испытании жизни — в последней или продолжительной болезни. Если мы сумеем это сделать, мы поможем не только самому больному, но людям на протяжении всей их жизни. Их жизнь будет стремиться к полноте, их жизнь будет проходить смело и мужественно, бесстрашно, она не будет зависеть от того, что слишком мел-

ко, мельче человеческой меры и масштаба. Когда дело доходит до болезни, это я считаю самым существенным, если мы хотим проявить настоящую, подлинную, творческую и животворную заботу о человеке.

СОДЕРЖАНИЕ

О страдании	3
У постели больного	20

Антоний, митрополит Сурожский

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО

Перевод с английского

Редактор Р. Адамянц

Подготовка издания Е. Садовниковой, Т. Семчишиной

Верстка Е. Владимирской

Дизайн обложки Е. Коврижных

Корректоры Л. Ким, Е. Кудряшова

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Тел.: 8 (903) 543-88-19

www.mitras.ru

E-mail: esadovnikova@yahoo.com

fondmas1@yandex.ru

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

119048, Москва, Кооперативная ул., д. 10, кв. 12

Тел.: 8 (965) 372-57-72

www.hospicefund.ru

E-mail: fund@hospicefund.ru

— Для заметок —